

Глава 1

Не конец

— Я думала, тебя продали. Или убили. О боже, Настя, что с рукой? Я сто раз тебе звонила, квартира пустая, тебя нигде нет. По этим экстренным номерам звонила... Настя, ты меня слышишь вообще? Давай присядем. Боже мой, Настя, где тебя носило?!

Катя ходит за мной по квартире, как привязанная, будто боится, что я снова пропаду, если она перестанет на меня смотреть, — бытовое язычество. Вопрос «где тебя носило» застаёт меня врасплох. Проблема не в нем, а в том, что у меня нет правильного ответа, нужных слов, после которых все остались бы довольны. Если я скажу, где была и что со мной происходило на самом деле, ты, Катя, отвернешься от меня. Решишь сначала, что я издеваюсь, потом задумаешься, станешь реже отвечать в мессенджерах, посоветуешься с мужем и придешь к выводу, что я сошла с ума. Вычеркнешь из жизни. Не сразу, ведь ты

действительно хорошая подруга, поэтому будешь мучиться совестью, что не любишь меня, а только терпишь. Потом сдашься и начнешь потихоньку забывать нашу дружбу. Качественно забывать. Не так: «Хм, я не помню этого случая». А так: «Был такой человек в моей жизни, но мы с ней давно не общаемся». Хотя людей просто из памяти не вытравишь, я теперь это знаю.

— Тебя не было целую вечность.

На самом деле три с половиной недели — я считала. Это единственная правда, которую разрешаю себе говорить. Пришлось придумать невразумительную историю, что после аварии мне временно отшибло память и я не знаю, где провела эти дни. Зимой. Три с половиной недели. Сама в это не верю, ну и ладно, если начинаешь врать — не останавливайся.

— Через какое-то время обнаружила себя на шоссе. Да. Только вот руку где-то порезала, но это не страшно. Синтомициновая мазь, бинтом перевязать — и заживет. Посмотришь в аптечке?

Я сочиняю, а Катя слушает, морща лоб, и время от времени пытается расплакаться невпопад — не от моих слов, а в любой случайный момент. Она жалеет меня и немножко себя или себя и немножко меня — тут тонкая грань. Добрая Катя, я к ней сильно привязана. Мы столько лет знакомы, что трудно найти воспоминание, в котором она не участвует или не стоит где-то сбоку. Эпоха Кати в моей жизни наступила, когда я еще не ходила в школу, и длится по этот самый

день. Она знает, на скольких диетах я сидела, почему боюсь бездомных собак, куда мечтаю переехать жить и что мешает мне это сделать, почему я влюбляюсь в темненьких, а встречаюсь с кем придется. Знает мои недостатки лучше, чем я сама, и все хорошее во мне, чего я в упор не вижу, она тоже знает. Она трет глаза, нос, как в детстве. Из нас двоих именно Катя выглядит как человек, которого нужно пожалеть. Хочется сделать человеческий, простой жест и обнять ее, но я не решаюсь. Спасать людей надо от меня, поэтому я берегу Катю — в моих силах не сделать ей хуже. И все довольны: она чувствует, что вернула подругу, а я — что пока ее не потеряла.

Поперек разговора, как раз когда я устаю от вранья, звонит Витя и, как только беру трубку, шершавым голосом касается уха. Он, видите ли, волнуется и на правах бывшего мужа хочет знать все, что со мной случилось. Приходится пересказывать путаную историю моего исчезновения. Он проглатывает ее быстро и без возражений — даже обидно. Не могу решить: это признак настоящего доверия или безразличия? Радует другое: на второй раз я сочиняю уверенней и общее впечатление от рассказанного улучшается. Начинаю верить сама, а в любой лжи главное — обмануть сначала себя. Еще немного потренируюсь — и буду пересказывать выученный наизусть текст так же умело, как отрывок из «Мертвых душ». Я неплохо декламировала у доски — родители и учителя хвалили, пришлось поверить, что у меня хорошо

получалось. Называли актеркой. Я в ответ отмахивалась, изображала безразличие, но втайне гордилась до мурашек и щекотки в груди от подавляемых улыбки или благодарного смешка. В чем-то взрослые считали сутулого подростка лучше себя, как это придавало уверенности! Учительница сидела на стуле, похлопывала себя по толстым коленям и в конце, когда я замолкала, утвердительно кивала сама себе и булькала горлом: хорошо стелешь. Да, у нас с Катей была училка русского и литры, которая общалась на жаргоне. Ну и что — она все равно была лучшая, потому что понимала нас, а мы — ее фразочки. Интересно, почему сейчас мне вспомнилась эта книга Гоголя?

Утром следующего дня Витя приносит себя целиком к моему порогу. Стоит с букетом белых хризантем, которые часто мне дарил, пока мы были друг другу кем-то. Он до сих пор не догадывается, что мне не нравятся эти цветы. Было неловко признаться, ведь он никогда не спрашивал, а просто вручал их с торжественно-самоуверенным лицом. Ответить на это можно было только одним способом — радостью. И я радовалась, потому что намерения у него были добрые и портить ему впечатление о самом себе — заботливом и любящем — не хотелось. Да и какая разница, люблю я цветы или нет, если есть человек, которому приходит в голову их мне покупать. Вот и сейчас я вешаю на себя улыбку так же механически и привычно, как рабочий бейджик с именем. Спасибо, Витя. Ты проходи.

Он разувается, по-хозяйски проносит себя на кухню, распахивает холодильник. Выкладывает на полки все, что принес в шуршащих пакетах: колбасу, сыр, майонез, сосиски, яйца, закидывает в морозилку пачку пельменей, встряхивает на стол чипсы и шоколадки. Мы не говорим о моем исчезновении, и за это я ему благодарна. Но ведет он себя странно: не задерживает на мне взгляд, будто бы в этом есть что-то неприличное. Так смотрят на целующихся рядом людей, с расфокусировкой, проскальзывая мимо интимных деталей. Старается не видеть перевязанную ладонь, хотя взгляд его кружит рядом и именно у моей руки он спрашивает: «Закажем пиццу с пепперони?» Я думаю, это отличная идея.

Мне впервые нравится его игра — помолчать о важном. В замужестве ужасно бесило, а теперь, когда мне, а не ему есть что скрывать, поняла, в чем суть.

Мы пьем пиво, закусываем пиццей, чипсами и сыром-косичкой, перебираем все, что знаем о сериальных героях и общих знакомых: как глупо ведут себя первые, как не удалась жизнь у вторых. О себе ни слова. Я молчу о своем исчезновении, Витя — о новой жене.

Разве мы не прекрасная пара?

На следующий день мы втроем — с Катей, а не Витиной женой — едем в полицию забирать заявление о моем исчезновении. Домофон, который установлен на входе в участок, звонит вхолостую, пока уставший и недовольный голос не

произносит какое-то «бурвыл шпул змык». Пере-спрашивать страшновато, и я решаю, что у меня хотят узнать, кто я и по какому вопросу. Отвечаю, что пришла забрать заявление о пропаже человека, потому что все хорошо и человек нашел себя сам. Молчание. Катя открывает рот, чтобы добавить к моим словам свои, более веские, но тут домофон пищит, разрешая войти. Тяжелая металлическая дверь с полукруглой ручкой ждет, когда же ее дернут, но я не хочу ничего делать. Витя ворчливо оттирает меня в сторону: «Забыла, как дверьми пользоваться?» Перешагиваем за порог, я стараюсь не отставать, чтобы не выглядеть подозрительно, чтобы никто ничего не понял. Никогда бы не закрывала двери, вы даже не представляете, как они опасны. Двери могут поделить жизнь на неравные части: несколько квадратных метров для тебя — и весь остальной мир, куда тебе больше дороги нет. «Дверь» — страшное, удушающее слово.

Внутри сумрачно, душно, пахнет людьми, похмельем, усталостью и раздражением. Короткий коридор, в котором мы оказались, упирается в окно дежурного. За ним большая комната, в дальнем углу стоят три грузных мента разной степени сдобности. По эту сторону на лавке сидит загрузивший алкаш, который всем видом показывает, что все осознал и хочет домой. Он пробудет здесь много часов, прежде чем его выпустят, — это ясно всем, кроме него. Попробуем временем — уж я-то знаю, о чем говорю. Если бы он попросил у меня совета, я бы порекомендовала

заинтересоваться чем-нибудь незначительным, на что обычно не обращаешь внимания. Например, наблюдать за стекающей по стеклу каплей или изучать неровности на стене напротив — есть множество дел, если хорошенько подумать.

Витя собственноручно пишет заявление об отзыве заявления о пропаже человека. Оказывается, именно он с Катиной подачи обратился в полицию. Я повторяю ментам все то, что говорила раньше. Сотрудники ворчат на нас, что зря отвлекли их по пустякам. Будто бы меня искали. Они, кажется, решили, что я жила где-то у любовника, забила на подругу и бывшего, пила, курила, ширялась, а теперь боюсь в этом признаться. Один из ментов отводит меня в сторону под предлогом подписания документов и просит показать руки. По-дружески просит — что бы это ни значило. Правильным было бы отказаться, но чистые вены разочаруют его больше, поэтому я соглашаюсь. Он спрашивает, хорошо ли я провела время и где вообще пропадала. Подмигивает. Или мне показалось? На единственном в комнате стуле сидит Витя, скорчившийся над бумажкой. Тень из зарешеченного окна падает на его спину и делит ее на квадраты. Я мысленно играю в крестики-нолики. Это интересней, чем изливать душу чужому человеку. Потом к нам присоединяется Катя, и мент в ее компании бросает попытки меня расколоть-склеить.

Часа через полтора мы свободны. Алкоголик все еще греет лавку — никто не смотрит в его

сторону и не думает о нем. Надеюсь, он прислушался к совету, который я ему так и не дала, и придумал себе занятие на ближайшие часы. Бедолага. Хотя почему я его жалею, может, он натворил что-то ужасное? Этот? У него вид, как у насекомого, — жалкий и пойманный. С другой стороны, когда я перестану судить о людях по внешности? Она ничего не значит.

Дергаю металлическую дверь туда-сюда, она в ответ грузно бухает, но не открывается. Тяну на себя, толкаю вперед плечом. Сильней, еще и еще раз, боль отдает в руку. Одна из сдобных фигур в форме кричит: «Девушка! Девушка, ты совсем бешеная?!» По тому, как все, даже алкоголик, смотрят на меня, понимаю, что веду себя как-то не так. Катя находит кнопку, которая разблокирует дверь, и мы выходим наружу.

— С тобой все в порядке?

Я несколько раз бездумно киваю, как фигурка собаки на панели автомобиля. Теперь, когда мы выбрались из замкнутого помещения с решетками на окнах, все хорошо.

На обратном пути Витя подкидывает Катю на машине до работы — она отпросилась, чтобы сходить с нами в полицию. Я выхожу из машины, чтобы ее обнять. Дальше едем молча, только радио прикрывает тишину. На дороге ремонт — оставили узкую полосу, где и одной легковушке тесно. Асфальт как клеем намазан: глухая пробка, которая длится и длится. Витя начинает нервничать, барабанит по рулю, сигналил бессильно

и бессмысленно — все равно быстрее не поедем. Я знаю до мелочей его раздражение: оно в пальцах, сведенных вместе бровях, напряженном подбородке. Мне не нравятся пробка и Витина нервозность, а еще собственная усталость от моего же вранья. Тянусь собой к Вите, чтобы заявить право на его тело: не хмурь брови, улыбнись, расслабься. Некоторые вещи можно объяснить безголосого: губами, взглядом. Целую его первая, он отвечает. Пробка сдвигается с места, разбуженные машины суетятся, напирают друг на друга и вырываются из западни на две полосы дороги. Витя помогает донести до квартиры сумку, заходит со мной. Попутно произносит слова, много разных слов: волновался, скучал, не спал, думал. Зачем болтать? На кухне наваливается всем весом, не стесняясь тяжести и силы тела. За такое не извиняются. Что-то падает на пол и весело бьется, разлетается осколками и белыми цветами под ногами. Не важно. Он все ближе, слишком близко, забыла, что так бывает. Соседи включили погромче телевизор, значит, им слышно. Ну и пусть. Мне не стыдно. Смотрите потом в лифте осуждающе-сально, черт с вами. Не стыдно. Мне нравится: нет мыслей, трех с половиной недель, развода, меня самой — только ощущения. Я сужаюсь до позвонка, который чувствует холод и жесткость кухонного стола. Расширяюсь и охватываю собой свое тело и его тело, чувствую (не вижу, а именно чувствую), как он задевает коленом ножку стола. Витя сам пока этого не знает, а я...

Сужаюсь и расширяюсь, пока наконец не возвращаюсь к норме. Первое время не узнаю себя, все новое, свои-чужие легкие жадно тащат внутрь воздух, мышцы живота подрагивают. Когда тело успокаивается и возвращаются мысли, иду в комнату за мазью — Вите она пригодится.

Он не уходит — я не удерживаю и не гоню, — а потом, когда все-таки закрываю за ним дверь, вижу за окнами темноту и свое отражение в ней. Ночь. С тех пор как я вернулась, не могу уснуть и приходится проводить время с собой наедине. Тяжелое испытание, но я знаю, как схитрить. Открываю очередной сезон «Теории большого взрыва» с начала и сижу, пока девятая серия не сменяется десятой и темнота за окнами не светлеет, как черный чай, в который добавили дольку лимона. Еще через пару серий из-за крыши соседнего дома выкатывается сам лимон, то есть солнце, и во рту становится кисло от сдерживаемой зевоты. Окна больше не хотят меня отражать — я становлюсь прозрачной, сквозь мое тело просвечивают улица, фонарь и припаркованная машина.

Бессонница. Оставляет следы на лице, которые я прикрываю двумя холодными и склизкими патчами. Сигнал мессенджера — Катя присылает фотку с пробежки. Пока меня не было, ей пришла в голову идея пробежать марафон — говорит, так она меньше переживала. Пишу ей: «СПЯ-ТИЛА Ты помнишь историю марафонца первого? Он в конце умер! Ненормально столько бегать».

Фотографирую кружку кофе, бутерброд с маслом на фоне включенного телика, где показывают лесные пожары. «Предпочитаю убивать себя по-другому». «Ты сегодня философ», — отвечает. Всегда.

Днем приходит сообщение от Вити: «Как дела». Рассказываю, что за обедом разнимала голубя и ворону, которые подрались во дворе. Витя записал голосовым смех на полминуты. Я понимаю, как это звучит, но история грустная. Ворона схватила голубя за хвост и стала шмякать его об асфальт. Витя снова присылает смеющееся голосовое. Хорошо, раз тебя смешит слово «шмякать», скажу по-другому. Короче, таскает она несчастного голубя по асфальту. Тот перепуган настолько, что забыл, как летать. Скребет лапами очень быстро, хочет удрать. В глазах страх — я не вижу их со второго этажа, но знаю, что он там есть. Остальные голуби из его стаи отбежали на безопасное расстояние и смотрят, что будет дальше. Я ела, когда увидела это безобразие. Стучу в окно — безрезультатно. Крикнула в форточку — ворона плевать на меня хотела. Я кинула кусочек хлеба, хотела попасть в ворону, но промахнулась. Пришлось бежать на улицу и разнимать. Ворона увидела, что я на нее бегу, отпустила голубя. Тот, быстро-быстро перебирая лапами, забился под машину — он вообще летать умеет? Ворона отбежала в сторону, посмотрела на меня боком и стала прогуливаться, будто ничего не произошло. Злая стою, трясую рукой в ее сторону: «Сейчас я тебя за хвост потаскаю, каково

тебе будет». А ворона шагает, будто я с ума сошла и сама себе все это придумала.

Успокоилась, иду домой. Из грузовика — переезжает, что ли, кто-то? — на меня водитель смотрит и давится от хохота. Я думаю: что ему объяснять, дураку, все равно засмеет. Посмотрела на него строго и пошла не спеша. Еще остановилась у подъезда: цветы на клумбе понюхать, чтобы он не думал, что я смутилась. Мой двор — на кого хочу, на того и ору. «А знаешь что? — пишу я Вите. — Это не все. Вернулась домой и увидела у себя на подбородке варенье. Испачкалась когда ела видимо. То есть с вареньем на лице я выбежала из подъезда наорала на ворону и пошла нюхать цветочки. Интересно что этот водитель обо мне подумал?» Мы ржем с Витей еще несколько минут.

Само собой возникает предложение приехать вечером ко мне. Кажется, его никто не писал — ни Витя, ни я, — мы оба согласились с неизбежным. Говорим обо всем на свете, только не о главном. Ни о пробке у самого дома, ни о столе на моей кухне, ни о его колене, кстати, как оно — не удержалась и спросила. Ни о доме, где я провела три с половиной недели. Мы вообще не говорим обо мне — не только о моей пропаже, но о любых событиях. Важных событиях, прикол с вороной не в счет. Я целиком — запретная тема. Хочется обвинить Витю в этом, но таково мое решение — исключить любое упоминание обо мне из нашего общения.

У этого человека проблема с женами. Друг он неплохой, а вот муж паршивый. У нас с ним все было хорошо до свадьбы и после развода — не сразу, конечно, но наладилось. После нескольких месяцев игнорирования друг друга мы решили забыть все старые обиды. Глупая фраза — как это можно забыть? Мне пришлось выкинуть из головы всю нашу с ним совместную жизнь. Она оказалась тонкого шитья — все обиды и хорошие воспоминания переплетены между собой так тесно, что я сначала пыталась отделить одно от другого, а потом бросила — невозможно разобраться. Поэтому я просто забросила куда подальше два года жизни, как старые альбомы с печатными фотографиями закидывают на чердак, где только пыль оседает на них и сглаживает черты, делая углы вещей менее острыми.

Пыль — вот как выглядит время. Я постоянно стирала ее в доме, где провела три с половиной недели, а ее становилось только больше. Вите я никогда об этом не расскажу. И как сбегала — тем более. Одна мысль, что мне нужно поделиться с ним, высасывает весь воздух из легких. В деревянном доме, где я провела недели три с половиной недели, я написала ему письмо. Ему и Кате. Ей несколько страниц, ему не набрала и одной. Слишком много тем мы не можем обсуждать, это останавливало меня даже там. Вспомнила, что, когда я жарила котлеты, он все время спрашивал, как их готовить. Свое письмо ему начала с рецепта. А потом поняла,

что нужно обратиться к Вите лично, иначе будет совсем странно. Я ходила день и в итоге написала всего два предложения: «Я часто думаю о тебе. Это придает какой-то смысл».

Насколько паршивые между нами отношения, если я, будучи уверенной, что сдохну, смогла написать тебе только рецепт котлет и вот это. Еще я хотела написать, что искренне считаю тебя идиотом и придурком. Но потом подумала: вдруг ты действительно это прочтешь — как?! — и пожалела твои чувства. Я чуть не погибла в том проклятом доме, но пожалела твои чувства, Витя. Я никогда, никогда тебе этого не расскажу. Интересно, ты хотя бы волновался обо мне? Говоришь, что да, но я не уверена, ведь для этого нужна смелость.

Вечером Витя в квартире, сжимает в руке бутылку грузинского, ищет штопор в ящиках стола. Я быстро сбегала в магазин за апельсиновым соком, которого не держу дома. У меня аллергия на цитрусовые, а Витя их обожает. Оцениваю его со спины: походку, расправленность плеч, степень уверенности в том, что сегодня повторится все вчерашнее. Вижу, что он сомневается. Пробка звонко покидает горлышко бутылки под ничего не значащий разговор.

— Васильевы, сверху которые, три дня устанавливали кондиционер. Прикинь? Утром в субботу дредлю бззз-бзззз. Думал, прибью их.

— Позавчера был дождь, кроссовки развалились. Да им лет пять было, пора обновить.

— С мужиками встретились у машины — эти Васильевы всех бесят. Решили отдельный чат создать, чтобы на киллера скинуться. — Витя смеется.

— На новый телефон только что потратилась. Тот... потерялся. Но обувь же — вещь нужная, да?

— Как думаешь, сколько бы собрали, а?

— Тысячи полторы в «Смешных ценах» будут стоить.

— Нет, штук семь бы наскребли.

— Да ты с ума сошел? Почему так дорого?

— Ты что, киллер тысяч сто пятьдесят стоит. Наверное. Кстати, смотрела последнюю серию «Следствия» в прошлую пятницу?

— Нет, я же...

Я же еще была без вести пропавшей в прошлую пятницу, ты идиот. Он понимает ошибку, но поздно. Как такое можно было ляпнуть? Теперь нас в комнате трое: я, Витя и эта глыба, которую мы усердно не замечаем. Она занимает почти все место. Вино льется. Свет электрической лампы попадает в бокал и, соприкасаясь с вином, становится жидким, опускается куда-то в центр и там остается плавать. Принужденно чокаемся — свет качается в вине, — не глядя друг на друга пьем.

— Ммм. Хорошее.

— Классное.

— Ты такое любишь. Мы его пили несколько раз, когда...

— Да-да, точно пили.

— Терпкое.

— Грузины плохого вина не делают.

— Конечно. Говорят, они вино пьют вместо воды.

— Да, белое вино. Как воду. Прямо из кружек.

Разговор захлебывается, и мы снова хватаемся за бокалы, чтобы чем-то себя занять, — и правда хорошее вино. Жидкости в бокале все меньше, свет электрической лампы оседает все глубже, почти касается дна. Стирается ощущение кого-то третьего в комнате, мы вернулись в наш безопасный режим и говорим ни о чем. Страшно представить, что с нами произойдет, если мы начнем обсуждать что-то значимое. Фоном работает телевизор — мы выключили звук, и только картинки мелькают на экране: воронка в земле, разрушенные дома. Этого мы с Витей тоже не замечаем. Тем для разговоров остается все меньше — все больше вещей попадают под запрет, — поэтому после вина мы нахваливаем Грузию. Надо будет туда съездить. Сейчас подорожали билеты, а те, что стоят нормально, обязательно с пересадками. По пятнадцать часов ждать второй рейс. Выше гор только горы. По телевизору показывают кадры дымящегося дома. Перевозу взгляд, Витя хмурится над котлетой и наконец обращается к ней — новая привычка говорить с предметами, раньше не замечала:

— Я тут думал.

— И что?

— Нам надо поговорить. Когда мы это все потеряли?

Что на тебя нашло, черт возьми? Мы не разговариваем — это наша фишка. Я даже не смогла написать тебе прощальное письмо. О котором ты никогда не узнаешь, потому что я тебе не расскажу. Видишь, Витя? Мы не раз-го-ва-ри-ва-ем! Эти мысли я тоже оставлю при себе, потому что собираюсь промолчать и на этот раз.

— А мне больше не хочется прятаться. — Витя не собирается останавливаться. — Мне тридцать шесть. Я хочу разобраться, что происходит. То, что мы расстались, было ошибкой?

Да что же ты творишь?

— А, так у тебя кризис? Конечно, давай поговорим. Почему бы нет, раз у тебя проблемы.

Витя как будто не слышит ядовитый, саркастический тон, которым я пронизываю каждое слово.

— Что сейчас между нами происходит? Ну глобально. Мы друг другу кто?

— Ты почему со мной вопросами разговариваешь? Что с тобой произошло?

— Хорошо, давай не вопросами. Я вижу, ты сама не своя.

— Да, конечно. Я только что вернулась хрен пойми откуда.

— Я знаю. Ты думаешь, на меня это никак не повлияло? Я не знаю, что ты пережила. Уверен, это было страшно. Я тоже много думал.

— Ах, он думал. Зашибись. Думал он, пока я там подыхала.

— Я с тобой поговорить пытаюсь. Типа, вот я здесь. Привет!

— Почему нельзя просто есть эти чертовы котлеты? Я для тебя готовила, знаю, ты их любишь.

— Спасибо.

— Да на здоровье! Ну что ты за человек, зачем разговаривать? Ты чего пытаешься добиться, я не пойму.

— Я серьезно. Мне можно доверять.

— Тебе? Правда? Это после больницы ты мне помог?

Вижу, как меняется его лицо. Да-да, если уж мы трогаем запретные темы, то давай не оставиваться на полпути. Ты думал, я позволю тебе выглядеть тут благородно? Черта с два, мы слишком хорошо знакомы, чтобы ты передо мной кого-то играл. Когда я загремела в больницу, ты приперся ко мне только на третий день с конфетами и жалким видом. Где ты был до этого, почему отвечал на звонки урывками по три-пять слов? Говорил, что работаешь по двенадцать часов и не успеваешь привезти мне вещи в приемные часы с семнадцати до девятнадцати. А отпроситься? Ты был с ней, да? Потом оправдывался, что не понял, как это важно, ты же не разбираешься в женском здоровье. А что тут разбираться, я в больнице, debil. Если человек в больнице, значит, это серьезно. Кто добровольно туда ляжет?

— Опять ты об одном и том же.

— Это такая ерунда, действительно.

— Да, точно. Как и твоя амнезия.

— Что ты сказал?

Все, что от тебя требовалось, — сделать вид, что все хорошо. Разве это так сложно? Вся та злость, которая ежилась в горле, опала. Теперь с той же силой, что готова была ругаться и кричать, я хочу расплакаться.

— О нет. Послушай, я случайно...

— Нет, ты скажи, что имеешь в виду.

— Ну, это все звучит неубедительно. Как только Катя тебе верит?

— А она верит?!

— Вроде да. Ты же знаешь ее, она... — он рисует вилкой в воздухе загогулину, — наивная.

Витю я уже теряла, а Катю еще ни разу. Наверное, поэтому я жадно ждала ответа и осталась им довольна. Все может остаться по-старому, если мы не будем затрагивать ненужных тем. Я верну себе привычную жизнь, просто должно пройти время.

Глава 2

Звонок

Кате я писала длинные письма, в которых вспоминала все, что случалось с нами. Это грело, а вот письмо Вите вымотало меня. Я пересказывала бумаге наши общие с Катей истории, и мне становилось лучше. Как мы с ней взяли вино, кружки и поехали на речку, а там выяснили, что забыли дома штопор. И ключей ни у кого не было, чтобы протолкнуть пробку. Тогда Катя порылась в сумочке и достала оттуда тампон. Я не верила, что Катя сможет с его помощью открыть бутылку. У нее оказались сильные пальцы, которыми она вдавливала тампон в пробку, и огромное желание выпить с красивым видом на реку. Да, мы пили вино в тот вечер! Смешно, но в деревянном доме, где мне пришлось провести три с половиной недели, я часто вспоминала этот случай. Женщины со своими штучками могут разобраться с любыми проблемами. Если тогда мы справились, может, и я смогу?

Мы с Витей наконец-то молчим, но уже поздно: столько всего тут разворошили. Нет-нет-нет-нет, разговоры по душам не прописаны бывшим супругам. И мы оба это знаем. У нас никогда не получалось общаться словами, выходили или обида, или развод. Но молчание, установившееся теперь, еще хуже. Оно ложится на нас прессом.

— И чего ты ждешь от меня — исповеди?

— Правды, — говорит Витя котлете, а потом откусывает от нее кусок. На губах блестит жир.

Вот сука, теперь он жрет эти котлеты. Еще и с таким аппетитом. Что же ты их раньше не ел, вместо того чтобы начать этот дурацкий разговор?

— Я готов услышать правду.

— Не тебе говорить мне о правде!

— Да что началось-то? Что на тебя нашло?

— Ты думаешь, что имеешь право требовать от меня честности. Вот что на меня нашло. А сколько раз ты мне врал?

Разговор вырулил на наши отношения. Теперь он идет знакомым маршрутом, реплики заучены так, что каждый из нас может проговорить весь диалог в одиночку. Но когда приходит время ему вскочить с места и рыкнуть: «Все, я сваливаю», а мне кинуть ему: «Скатертью дорога», Витя снова сходит с намеченного пути.

— Я хочу исправить. Ну... Я могу тебе сейчас помочь. Наверное, чем-то.

Фраза «исправить» бьет больно и резко. Вспоминаю совсем не то, что должна бы. Не его

вранье, измены, пока я валялась в больнице. Я вообще не думаю о нем или о нас, перед глазами этот деревянный дом, из которого мне чудом удалось сбежать.

— Исправить? Невозможно исправить то, что сделано, как ты не понимаешь? Знаешь, как бы я хотела исправить некоторые ошибки в жизни? Прошлое не открывается, оно на замке, закрыто. С этим придется жить. Нельзя откатить на несколько дней назад и сделать все по-другому. Надо попытаться жить дальше. Нельзя исправить. Невозможно ничего изменить!

Я точно про нас с ним сейчас говорю? Опять Витя терзает эту котлету. Да оставь ты ее уже в покое, ради Христа!

— Думаю, на сегодня хватит.

— Как остынешь, позвони, поболтаем.

— Поболтаем? Вот придурок-то!

— Все, я сваливаю!

— На лестнице смотри не споткнись!

Вот теперь все идет по сценарию.

Наступает ночь, и я остаюсь одна. Только отражение в окнах ходит за мной по пятам. Как бы я ни старалась, мне не удастся прятаться за другими людьми. Особенно если я выгоняю их из квартиры. Я плохо сплю, а если забываюсь на три-четыре часа, то на меня накатывает пустая, давящая темнота, кажется, что кислорода нет и я вот-вот задохнусь. Это сны без единого образа, сплошной телесный ужас. Будто бы я не сбежала, а все еще хожу по дому с деревянными стенами

и дребезжащими окнами, спускаюсь в подвал. Он не отпускает меня. Вся жизнь, которую я веду после возвращения, лишь ширма, прикрывающая правду. Я никому ее не расскажу, даже Кате: мне не удалось улизнуть. Каждую ночь я возвращаюсь обратно. И если это скоро не кончится, я либо сойду с ума, либо сделаю что-нибудь с собой.

Иногда вглядываюсь в полумрак комнаты, и мне кажется, что в углу стоит фигура с такими длинными руками, что пальцы достают до пола. Я запрещаю себе думать о ней. Прости меня. У кого я прошу прощения, если не у себя самой? Надо просто научиться спать, как люди после травмы ног заново пробуют ходить. И я закрываю глаза. Снова что-то давит. Скоро перестанет хватать кислорода, и я попытаюсь всплыть над темнотой. Оставляю включенным свет, но в мои кошмары он не проникает.

Днем делаю вид, что выпалась, но кого я обманываю? Синяки под глазами стали частью лица. Сегодня самое сложное испытание — забрать машину. Сначала нужно вытащить ее из сугроба, в который она влетела, и тот обнял ее, как родную. Повезло мне, что не разбилась. Хотя как посмотреть.

Я не собиралась ехать на место аварии, сопротивлялась как могла. Думала объяснить, где все случилось, и отправить туда Даню, мужа Кати. Это на его машине я едва не разбилась. Точнее, на Катиной, но купленной на Данины деньги. Сложная история. Даня меня никогда не любил,

но после того, как я пропала вместе с их машиной, думаю, невзлюбил еще больше. План отправить их вдвоем казался безупречным, но я не учла того, что люди умеют все портить — из лучших, разумеется, побуждений. Катя решила, что на месте я что-то вспомню, поэтому настояла на моем участии в поездке. После очередной ночи, поспав от силы часа три, встречаюсь с Даней и Катей, и мы едем.

Я помню место, но назло им несколько раз направляю не туда, якобы ошибаюсь поворотом. Заодно поддерживаю легенду о потере памяти. Когда надоедает увиливать — откладывая пытку тоже пытка, — даю верный курс. Мы тормозим у машины, съехавшей с обочины. Девятка упирается бампером в березу. Как математически точно я остановилась в миллиметре от дерева, избежав столкновения. Высокий снег осел минимум вполовину, теперь будет легко дернуть машину. Даня убеждается, что корпус цел, и начинает рассматривать детали: бампер, пороги, двери. Ползает вокруг, приседает, заглядывает под «девятку» — эти упражнения меня не интересуют. Я занята другой задачей: пытаюсь не смотреть на линию горизонта и не думать о ней, хотя все мои мысли крутятся около запретной темы. Боюсь не справиться с собой, как тогда в полиции при виде закрытой двери. Расставляю ноги пошире, будто правда могу упасть, давлю всем весом на землю. Перед глазами маячит береза — хватаюсь за нее взглядом для надежности.

«Тормоза работали? Когда съехала в кювет, подвеску не проверила, не помнишь?» — спрашивает Даня. Никогда он не разговаривал со мной так много. За рощей через поле проглядывает ряд деревенских домов. Они торчат из земли, короткие и широкие, покосившиеся то вправо, то влево, как кривые зубы. Стараюсь не смотреть на них, все крепче привязываясь взглядом к дереву.

— А ключи где?

— Не знаю. Потеряла.

Катя шикает на мужа, ей неловко из-за его прагматичности, вещности и приземленности. Он говорит со мной о машине, а не о том, что я пережила. Не для этого Катя меня сюда везла, она обнимает меня, чтобы исправить Данину холодность. У меня появляется опора.

Даня договаривается с кем-то, что они приедут и вытащат «девятку» на следующий день. Сегодня не смогут.

— Ее еще можно спасти, — улыбается он, когда кладет трубку.

Это не про меня, а про машину. Ряд домов за березовой рощей — взгляд тянется к ним вопреки желанию. Когда все улажено и мы наконец трогаем обратно, Катя смотрит в сторону, от которой я отворачиваюсь. Она замечает дымок над одной из крыш и предлагает заехать туда, поговорить с местными. Может, они знают что-то обо мне, видели или помогут найти тех, кто видел. Не могла же я выжить зимой на улице в течение трех с половиной недель.

— Нет, мы никуда не поедem! — Из меня вырывается чужой голос, со ржавчиной, будто я проталкиваю звуки не через горло, а через старые водопроводные трубы.

Вот я и влипла. Но Даня впервые поддерживает меня: дороги к деревне нет, застрянем еще в снегу, потом не вытолкаем машину. Его безразличие к моим проблемам и потере памяти мне на руку, и мы временно становимся союзниками. Линия домов остается позади, отдалается с каждой минутой. Просто чтобы убедиться в этом, я быстро оборачиваюсь, но вижу только деревья, бегущие за машиной по обочине. Наконец-то чувствую себя в безопасности. Точнее, не так: хотела бы чувствовать, но что-то во мне ломается.

Настаиваю, чтобы меня высадили как можно скорее, не обязательно довозить до дома, можно прямо тут, я пешком. Не обнимаюсь ни с кем, просто выбегаю из машины: пока-пока. Катя пишет весь вечер, звонит — не беру. Ночью снова не могу уснуть. В полутьме чудятся два красных огонька. Они висят под самым потолком, не двигаются. Сморгнешь — и нет ничего. А потом смотришь — опять появляются. Я боюсь их. По-настоящему боюсь, как мужика, идущего сзади в темном парке, как агрессивного алкоголика, заходящего в один с тобой лифт, как группу орущих, подвыпивших пацанов в пустом вагоне электрички. Я просто болванка человека, которая не справляется. И человека ли. Не получается пристроить тело ни в одну удобную позу. Голова

чугунная. Хочется отмечать каждую проведенную так ночь привычной зарубкой на дверной балке, но зачем эти варварские методы, если есть календарь в телефоне. Смартфон я купила сразу же в день возвращения — самый дешевый, подержанный, но это лучше, чем никакого. Разблокирую телефон и забываю зачем. Тыкаюсь в разные приложения: «Телеграм», «ВК», почта, сайты знакомств. Наконец нахожу календарь, в котором красным цветом отмечена дата: 11 марта. День, когда мне удалось сбежать. С тех самых пор я не могу нормально спать — получается, уже девятые сутки. К трем утра понимаю, что все бесполезно: только и удалось забыться минут на двадцать. Иду в туалет, чтобы занять время, и сижу там, пока босые ноги не замерзают на кафеле. Уже день. Выбираю приложения с медитацией, потом решаю поискать в холодильнике какую-нибудь еду. Еще один день. Включаю свет во всей квартире, чтобы не дать темноте переехать меня. Боюсь предположить, что не смогу спать никогда, и все равно предполагаю, несмотря на страх. Голова — чугун. Голова гудит. Я становлюсь нервной, истончаюсь до пульса и кожи. Не отвечаю на звонки Кати и Вити. Написала, что уехала из города, мне нужно время прийти в себя. Насчитала пять опечаток в сообщении. Плевать. Катя угрожала приехать домой, если я не возьму трубку, пришлось с ней поговорить. У меня тяжелый период, дай время. Она поплакала и просила держать в курсе. Как же я устала.

Рассеивается внимание, забываю, зачем иду на кухню. Возвращаюсь в постель и долго смотрю на люстру: выключать ли свет? Решаю, что пора, на часах четыре утра. Несколько дней назад перестала ходить в ванную, смотреться в зеркало, переодеваться. Надо поменять бинты. Сматываю повязку с руки. Через всю ладонь идет косой разрез. Совсем забыла о ране, она не напоминала о себе. Кожа вокруг еще несколько дней назад была воспаленно-красная, теперь почернела по краям. Синтомициновая мазь не помогает. Бегу к раковине смывать гной и запекшуюся кровь, но черное намертво пристало к коже. Пальцы левой порезанной руки стали длиннее, чем на правой. Или я придумываю? Долго складываю ладони вместе — все-таки показалось. Но темное пятно вокруг раны становится все больше, и это точно. Несусь на кухню, открываю ящик стола с приборами и быстро нахожу то, что мне нужно. Нож ложится в руку легко. Отредактировать себя. Холодный металл вжимается в кожу — на большее я не решаюсь. Пока. Проходит пара минут, нож, согретый телом, льнет ко мне, ласковый, как домашний питомец. Скоро я начну меняться, черное пятно распространится по руке и дальше и тогда выдаст меня. Я лишусь друзей. Что же я буду делать в одиночестве? Кто-то звонит в дверь. Вздрагиваю, нож летит на пол, значит, пришел мужик. За дверью Витя, требует, чтобы я открыла. Если посидеть молча, он уйдет. У него же жена, ему нельзя не вернуться

домой. И он действительно перестает стучать. В тишине приходит в голову странная мысль, но я хватаюсь за нее. Нахожу телефон и вбиваю знакомый — до недавнего времени собственный — номер. Звоню на телефон, оставшийся там, откуда я сбежала. Боже, надеюсь, он все еще работает. Невозможно усидеть на месте, ноги носят меня от одного угла спальни к другому. Все-таки смартфон не разрядился совсем, раз гудки идут. Остается только ждать, ответит ли. Первый звонок длится бесконечно долго и заканчивается ничем. В горячечном азарте я набираю и набираю много раз подряд. Жарко. Хожу по комнате. Наконец гудок обрывается резко, значит взяли трубку, но я слышу только тишину. Говорить, надо же что-то говорить. Я об этом не подумала. Какое-то слово, прямо сейчас достать из себя. Как извиняться, и извиняться ли? О чем спросить? Дом не отпускает меня, ты знаешь, что делать? Я... Мне правда стыдно, прости. Я говорю все это или думаю?

— Я не могу больше спать.

Решила пожаловаться, как мне тут плохо, ну молодец. Дура. Но что еще сказать, если не правду? И снова тишина. Что делать с ней, чем заполнять?

— Я... Я могу что-то сделать?

— Нет, — слабый голос.

Вздрагиваю и от радости, и от страха. Боюсь, что он положит трубку и никогда больше ее не возьмет.

— Прости меня.

Смотрю на экран, вижу, что секунды идут, и снова подношу телефон к уху, слушаю тишину, которую не знаю чем прервать. Прости меня. Прости меня. Прости.